

К 356

ЦЕНА НОМЕРА 30 КОП.

12

МОСКВА
№ 21

Крокодил

И Ю Л Ь
1933

Издательство ЦК ВКП(б) „Правда“

Рис. К. Ениссона (темн. В. Лебедев-Кумачев)
33

НОВЫЙ ВЗГЛЯД — Жаль, не указано, какой колхоз, а то взгрели бы мы его за эти сорняки.

Реданция „Крокодила“
извещает, что в ночь
с 16 на 17 июля 1933 г.
скоропостижно сконча-
лся писатель - сати-
рик, старый крокоди-
лец

Борис Григорьевич
САМСОНОВ

В 1932 году я начитался незаменимого т. Гоголя и проехался по Украине. Хотелось познакомиться с гоголевскими типами на месте. И что же вы думаете? Познакомился. Живут и здравствуют.

Тов. Пацюк, чудесный изобретатель конвейера для вареников, живет, конечно, в Одессе и продолжает изобретательствовать. При мне удивил маму новым лозунгом:

— Первый га обмолота — на общественное питание!

Чувствительный мечтатель Манилов, устроившийся в Ореховском районе, пробовал подражать Пацюку и дал такую остановку (установку? Перев.)

— С выполнением плана хлебозаготовок подождать, обеспечить сперва себя всеми фондами.

Кулак Абдулин остался в восторге и благодарил.

— Не имей денег, — говорил он, — имей хороших людей для обращения.

Манилов, разумеется, в восторге.

— Почтеннейший и прелюбезнейший человек этот Абдулин. Как он может этак, знаете, принять всякого, наблюсти деликатность в своих поступках.

Словом, попрежнему: „Разинь, душечка, ротик...“

В Одессе же я встретил и т. Ноздрева. Все так же врет и хвастает. Теперь только не преувеличивает границы своего имени, а наоборот — преуменьшает:

— Вот, здесь граница Зернотреста, а те тысяча га овса не наши Честное слово, не наши. Я даже не знаю, что они!

Коробочка все так же боязлива:

— Право, я боюсь на первых-то порах, чтобы как-нибудь не понести убытка, — говорит она попрежнему, — может быть, ты, отец мой, зацентрализовать меня хочешь?..

ПОДГОТОВКА

Меня угораздило на дачу съехать. Это мне не для здоровья потребовалось, здоровье мое — славу богу, а для партийной чистки. Дело в том, что отпускное время я решил использовать на предмет пополнения своих партпознаний, а где же и пополнять их, как не на даче? В городе немудрено заниматься: слишком много отвлекающих моментов. В доме отдыха тоже трудно: шум, веселье, оживление, ничего хорошего. И вот я постановил: на дачу! Поехал в подмосковный колхоз — он же и дачная местность, снял у колхозника комнатку и зажил.

Хорошо! Сидишь утром, пьешь чай, а вокруг всевозможная природа. Серебрится речка на солнышке, свирестит птичка, растет зеленая травка. Сидишь, пьешь чай с земляничкой и вычитываешь:

„Борьба за дальнейший под'ем сельского хозяйства и завершение его социалистического переустройства является в настоящее время важнейшей задачей партии...“

Отлично. Но в этот самый момент вдруг, извольте радоваться, появляется Настя Полякова. Она тоже тут на даче живет, чего я недоучел. Девочка ничего себе, комсомолка, и лично против нее я не возражаю, но она появляется в ответственный момент и вносит, извольте радоваться, предложение:

— Слушай, пойдём в поле. Чего ты с утра сиднем сидишь!

— Всякие поля, говорю, на данном отрезке времени категорически отпадают. „Борьба за дальнейший под'ем сельского хозяйства и завершение его социалистического переустройства...“ Мне, понимаешь, не до прогулок... является в настоящее время важнейшей...“

— Да я, говорит, не в смысле прогулки. Интересно на работу посмотреть. Там сегодня соревнование двух бригад.

— И не до бригад мне. Пускай себе соревнуются, я-то тут при чем? „Вся массово-политическая...“ и так далее... работа политотделов должна быть направлена к тому, чтобы окончательно парализовать...“

Нарочно, понимаете, вычитываю цитатку вслух, чтобы показать, насколько я занят. Но дезорганизаторская девица не унимается.

— Да ну, говорит, пойдём! Ведь это, говорит, нужно самому видеть, ведь трудно даже поверить, какой сейчас сдвиг в настроениях у рядовых колхозников!

— Фу ты, господи! Аккурат мне сейчас до ихних настроений! Не мешай! „...Окончательно парализовать влияние классового врага в колхозе и совхозе и добиться преодоления мелкобуржуазных пережитков...“

— Буду, говорит, мешать. Оторвись, говорит, на минуту от книг и послушай. Ты знаешь, я разговаривала с колхозниками насчет закона о хлебосдаче... И вот, представь себе, кто-то распустил слух о „встречных планах“ и о повышении нормы сдачи!..

— Ах ты, господи! — говорю. Ну, распустил, а дальше что? Ведь видишь же, человек к чистке готовится!..

— Вижу, говорит. А дальше то, что не мешало бы тебе пойти и поговорить с ними. Раз'яснить им линию партии. Ты как партиз авторитетней для них, чем я.

Действительно, этого только не доставало! У человека минута на счету, человек отпуск угробливает на подготовку к чистке, а она тут со своими колхозниками!

Ну, что ж тут остается? Зажимаю уши и демонстративно зубрю:

„Борьба за дальнейший под'ем сельского хозяйства... и завершение его социалистического переустройства... переустройства...“

Тогда Настя Полякова произносит какие-то слова, которых я не слышу, и уходит. Но на другой день, извольте радоваться, появляется снова и снова неслепое предложение:

— Брось ты свою зубрежку. Я с тобой посоветоваться хотела: есть тут, видишь ли, один человек, который очень смахивает на кулацкого агитатора. Надо бы его вывести на чистую воду... Давай, сходим в ячейку и поговорим.

Извольте-ка радоваться!..

И опять я, конечно, зажимаю уши. Но ведь это уж что же: уж какая же тут подготовка к чистке, если каждый день умышленно отвлекают человека всякой ерундой!..

И вот кончилось дело тем, что собрал я свое барахло и, не говоря худого слова, драпнул обратно в город.

Чорт с ней, с колхозной дачей! Уж лучше пускай пропадают мои деньги и пускай без меня свирестят разные птички, чем буду я стоять на чистке дурак-дураком и молчать в ответ на вопросы.

А поведение Насти Поляковой приходится квалифицировать как оппортунистическое. По меньшей мере!

Во время поездки встретил и кучера Селифана, теперь работающего в Укртранспорте.

— Держи, держи, опрокинешь! — кричал я ему.

— Нет, как можно, чтоб я опрокинул, — отвечал Селифан, — это не хорошо опрокинуть, я уж сам знаю, уж я никак не опрокину.

А когда под Жмеринкой опрокинул, то подперся в бока и после некоторого размышления сказал:

— Вишь ты, и перекинулася!

Сам Чичиков скупает мертвые души и продает всю „собственную Украину“ за недорогую цену кому угодно. В настоящее время он, говорят, за границей и выступает на международных рынках под фамилией Розенберга.

Да, чуть не забыл про Собакевича. Он засел в Кобеляках и по своей привычке дико торгуется:

— Заготавливать хлеб в Кобеляках? Чи вы сдурили! Да ко мне в Кобеляки завозить надо.

И в доказательство показывает дутые балансы.

— Да мне одному нужно целого осетра! — божился Собакевич.

Крепкий мужчина!

На этом я и закончу свои украинские заметки. Были у меня еще, встречи со Сквозник-Дмухановским, Хлестаковым, Ляпкиным-Тяпкиным, Тарасом Бульбой и другими местными националистами, но закончить наблюдения не удалось. К тому времени объявились неподходящие для меня лозунги: „Виробыть як больше и як найкраще“, „Дать по Потылихе“ (Швейк путает. Следует — по потылице. Перев.) и я поспешил убраться от греха подальше.

Перевел с чешского
Б. САМСОНОВ

МАЙКОВ НА УБОРОЧНОЙ

(Опыт критического усвоения классиков)

1

По ниве прохожу я узкою межой...

(От составителя:

Пейзаж весьма чужой!

Межей классических не встретишь в поле нашем, — Межи последние мы вскоре перепашем)

...Поросшей кашкою и цепкой лебедой...

(От составителя:

Сорняк грозит бедой!

...Куда ни оглянусь, повсюду рожь густая, Иду, с трудом ее руками разбирая.

(От составителя:

Поэт, видать, барчук —

Работу легкую нашел для барских рук! Чем время страдное прогуливать без толку, Любуясь кашкою, налег бы на прополку!)

2

Пахнет сеном над (колхозными) лугами, Песней душу (предрассудок!) веселя, Бабы с граблями (ударными) рядами Ходят, сено (всей бригадой) шевеля. Там сухое (так и надо!) убирают Мужички (бригада чья?) его кругом, Навоз вилами (как норма-то?) кидают, Воз растет, растет, как (нооп) дом. В ожиданьи (проволочка!) конь убогий (Нет ухода?) Точно вкопанный стоит — Уши врозь, дугою (болен, что ли?) ноги И как будто (что за темпы!) стоя спит. Только Жучка (чья собана?) удаляя В рыхлом сене (прогоните!), как в волнах, Скачет лая (и мешая!..) влопыхах.

КРОКОДИЛ

— Вы в качестве свидетеля?
 — Нет, в качестве обвинителя.
 — В качестве обвинителя?
 — Да, обвинителя в качестве!

НА ДОКЛАДЕ

У НАРКОМА ЛЕГКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ТОВ. ЛЮБИМОВА

Однажды на заседании коллегии Наркомлегпрома тов. Любимов рассказал следующее. Зашел он как-то в одно из подведомственных ему предприятий, скромно встал в очередь и всего через какие-нибудь полтора часа вручил приемщику материал, сообщив при этом, что желает шить из означенного материала нормальную мужскую сорочку. Увы! Будучи весьма популярным в среде работников легкой

промышленности, тов. Любимов не сумел сохранить желаемого инкогнито. Наркома узнали и заверили, что все его пожелания как по линии фасона, так и размера будут в точности выполнены.

Тем не менее, когда сорочка была сшита, носить ее оказалось невозможно. Скроена она была как-то странно. Манжеты упорно отказывались вмещать кисти рук. Зато воротник мог бы вместить не одну, но три шеи. Нет, положительно, сорочку нельзя было назвать блестящим произведением портновского мастерства...

Вдохновляясь этим случаем, „Крокодил“ предпринял рейд по подведомственным тов. Любимову предприятиям.

При этом выяснилось, что руководители предприятий не совсем точно представляют себе целевое назначение продукции.

Так, бритвой завода „Червоный хрест“ в Одессе можно пилить дрова, зато краем станка, выпущенного Бухаринским заводом, легко и безболезненно можно бриться. В валенке витебской работы уютно расположится годовалый младенец, а одеяло 8-й фабрики Моссуно, напоминающее своими причудливо извилистыми очертаниями Атлантический океан, может быть употреблено в качестве классного пособия. Тарелка, выпущенная заводом „Красный фарфорист“, может послужить объектом захватывающей игры, ибо тот, кто устойчиво установит ее на плоскости, покажет чудеса ловкости. Но для чего нужны решетчатое сукно Ленской ф-ки, изогнутый карандаш Мосхимтреста и странный свитер тульской артели „Большевик“, мы не поняли, — тут фантазии нашей не хватило. А брюки Витебской швейной фабрики? А канцелярская подушка фабрики им. Урицкого?

Что же касается ленинградской ф-ки „Красное знамя“, то она, повидимому, действует, как гимназист из анекдота. Будучи слабым в синтаксисе, гимназист этот начертил в конце экзаменационного сочинения сто запятых подряд и приписал: „марш по местам“. Вероятно также поступила фабрика „Красное знамя“ с

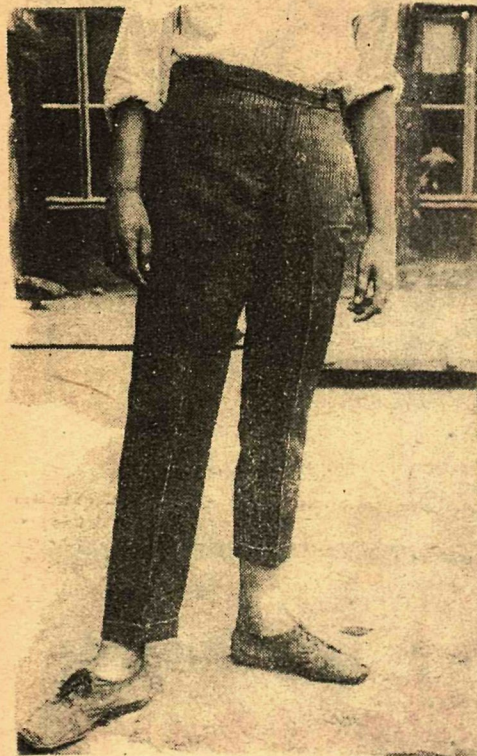
пятками. Поэтому на чулке оказалось две пятки, а на носке ни одной.

Словом, все наши фото — отнюдь не веселые инсценировки, но грустные факты.

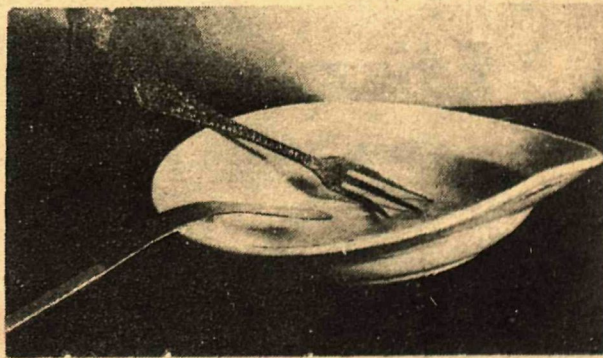
На основании добытых материалов „Крокодил“ смеет заверить наркома, что он не один испытывает неприятности, связанные с качеством продукции. Прочие потребители не имеют никаких преимуществ перед ним.

1) Чулок с двумя пятками нельзя рассматривать как 200% выполнения плана. Одна пятка хорошо, а две — хуже!!!

3) Чего моя левая нога хочет!? Она хочет, чтобы обратили, наконец, внимание на удручающее качество ширпотреба.

4) Дорогие подписчики, не относите это искажение на счет фотоаппарата — другое дело аппарат „Красного фарфориста“.

2) Валенки, о которых в классической песне поется: „Эх, валенки, валенки, Недошиты, малыньки.“

5) Радиотелеграмма с изображением. Наркомлегпром. Срочно. Вас не беспокоит?

„Крокодил“.

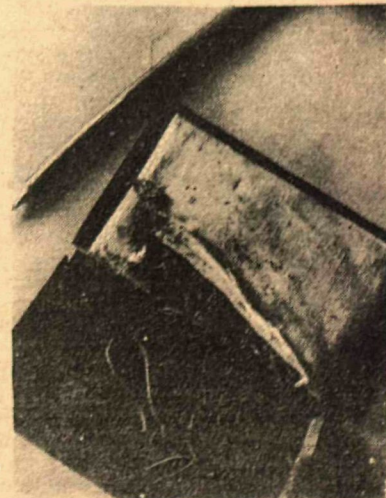
6) Не стесняйся, девочка, это дядям из Наркомлегпрома должно быть стыдно.

7) Антиалкогольный стакан необычайного гранения. Гораздо опаснее для жизни, чем алкоголь в самом значительном количестве. Впрочем, и обыкновенную воду пить из него не рекомендуется.

8) Материал, который можно использовать только для переходящего знамени за качество (плохое, разумеется).

9) „Крокодил“ удостоверил бы все вышеизображенное подписью и приложением печати, но, к сожалению, это сделать невозможно, так как этим карандашом нельзя подписаться, а этой подушкой для печати нельзя воспользоваться.

Текст: М. Глушкова и А. Каменогорского
 Фото: Исаевых.

СКРЫТНАЯ НАТУРА

Рис. Л. Бродаты (тема М. Глушкова)

„ОСТАВИТЬ В ПАРТИИ ТОЛЬКО СОЗНАТЕЛЬНЫХ И ИСКРЕННЕ ПРЕДАННЫХ КОММУНИЗ

— Скрыть, действительно, товарищи, скрыл. Но что? Если бы из биографии, а то каких-то несчастных 5 тысяч га!

В домоуправлении дома № 35 по Арбату Михаила Вольпина Завыление

Я, никогда не бывший под судом,
Избравший ремеслом стихосложение,
Жилец-кустарь, прошу вас, управдом,
Войти в мое плохое положение.
Я никогда наемного труда
Не пользовал. Моторной силы тоже.
И разве машинистка иногда
Мне знанием грамматики поможет.
Я выпускаю дефицитный стих:
В нем зерна лирики протравлены сатирой.
Я не плохой продукции достиг,
Но у меня трагедия с квартирой!
Мне тесновато, милый управдом,
Мне маловато солнечного света,
Чтоб радовать товарищей трудом
Веселого и бодрого поэта.
Хорошей рифмы не слизнешь с губы —
У Жарова метафоры не стащишь.
Нет! Ходишь по стихи, как ходят по грибы
В незапрогуленные рифмачами чащи.
Полезный гриб припрятал хитрый бор
В секреты мшистых нор.
в кустарник непролазный.
И лезет под ногн словесный сор и вздор:
Поганки-рифмочки и образ-мухомор,
Как перестроившийся тенор, слишком красный.
Уже давно потеряна тропа,
Не слышно визга бабьих переключек,
И вдруг полянка, и на ней толпа

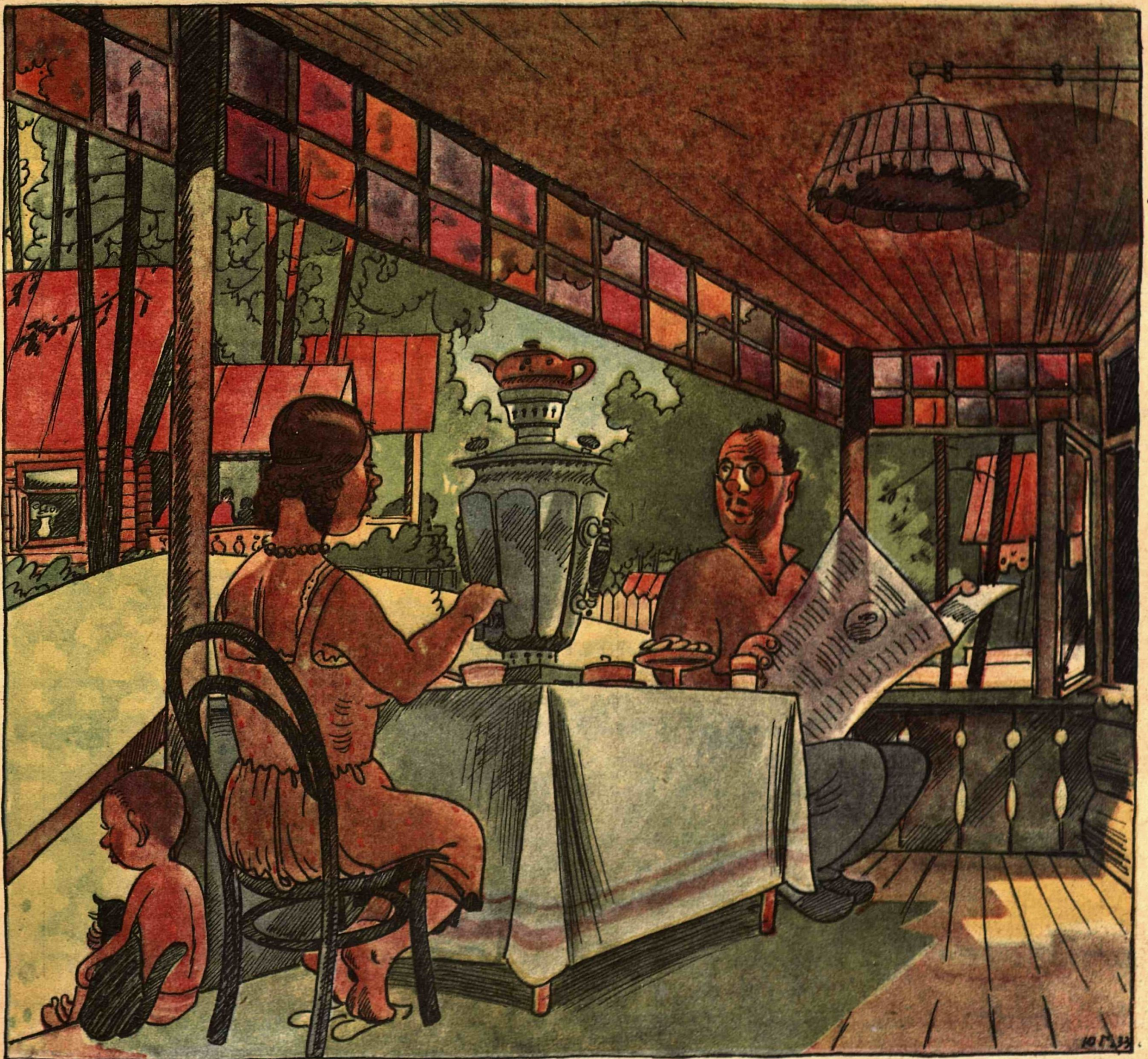
Уже срифмованных волнушек и лисичек,
Погибший труд упрямых пауков —
Обрывки клейкого серебряного шелка —
Щекочут шею. Хвойная иголка
Впилась за шиворот. И полная стихов,
Бьет по спине тяжелая кошелка.
Но 9 метров — что это за бор?
Особенно, когда поэт не холост.
Стена, жена и за окном забор
И черных рупоров многотиражный голос.
Без ультрафиолетовых зачах
Мой бедный стих. Ведь это же нелепо!
Поэзия нуждается в лучах,
Как... Роза не рифмуется?! Как репа!
Еще немножко метров, управдом!
Окно на юг — и мы своротим горы,
И будут люди говорить потом:
Вот управдом! Вот управдом, который!
Не надо, управдом, не лицемерьте
(Я скромности не верю вообще).
И вас манит бульварное бессмертье
В демисезонном бронзовом плаще.
Не упустите выгодный момент,
Не пропустите небывалый случай.
И нам со временем поставят монумент,
Как Минину с Пожарским, только лучший.
Я знаю, что у вас фантазия бедна,
Но я вам дам своей. —
При чем тут взятка? Это

Дар благодарного заранее поэта.
 Так вот, представьте: утро, солнце, лето,
 И просьбишка моя
 Удовлетворена.
 17 метрбв. Новый запах лака
 От мебели, окошко на Арбат.
 У ног моих, как добрая собака,
 Улегся теплый солнечный квадрат.
 И мне в окно кричат автомобили:
 „Эй, сочинитель, как у вас дела?
 Вы, говорят, опять не сочинили
 Сатиру на поставщиков стекла?“
 Я высунулся и кричу вдогонку:
 „Уже в наборе на одну колонку!“
 Напротив дом с веселою витринкой:
 „Пошивка дамских платьев на заказ“.
 А за витринкой девушка с хитринкой
 В мое окно закидывает глаз:
 „Ай, гражданин, какой вы нехороший,
 Несимпатичный. А еще поэт.
 Без галстука, волосьями обросший,
 И не поймешь: блондин или брюнет.
 А ну, побрейтесь, галстук повяжите
 (А то противно заглянуть в окно)
 И что-нибудь такое напишите,

Чтоб было бы и нежно и смешно“.
 Что ж, милая товарищ, я для вас
 Всегда готов немножко прифрантиться.
 Я песенку сошью вам на заказ
 Из пестрого лирического ситца.
 Глядите пристальней, товарищ управдом,
 В поэтом раскрываемые дали
 И покрывайтесь розовым стыдом,
 Что мне добавочной жилплощади не дали.
 Послушайте!..
 А впрочем, ерунда!
 Подумаешь — темно, тесно и сыро.
 Мы с песней и с женой не ноём никогда,
 А если иногда и ноём — не беда!
 Ведь что такое, в сущности, квартира?!
 Воображаемое прорубил окно,
 Прифантазировал сажени три-четыре, —
 И вот уже нисколько не темно.
 И не тесно в поэтовой квартире.
 И можно жить и петь И я спою о том,
 Как жил на свете бедный управдом,
 Который ждал инструкции „Известий“,
 Который сам никак не мог понять,
 Что надлежит у нас поэтов сохранять
 В просторном, солнечном и очень теплом месте.

ГОРЯЧАЯ ГОЛОВА

Рис. Ю. Ганфа (тема М. Глушкова)

— Батюшки! Пишут — последний год трудностей! Пора начать вступать в партию.

Рис. В. Коалинского (тема В. Лебедева-Кумача)

— Убери часть товаров с полки, а то опять о качестве начнутся разговоры.

„НЕТАКТИЧНЫЙ ПОСТУПОК“

Не всякое начальство испытывает наслаждение от самокритики. Об этом забыл редактор стеной газеты Московского пожарного управления тов. Чеботов. Он совершил явно нетактичный поступок. Напечатал в газете заметку о никому негодной работе политпросветсектора управления.

Как на грех, заметка касалась работников сектора: секретаря партячейки управления Куликова и члена бюро Александрова.

Оба вышеуказанных товарища, не отрицая правдивости заметки, энергично взялись за нахождение „корней“ прорывов. Корни обнаружили с молниеносной быстротой.

Виновником оказался... редактор газеты, помещающий заметки, „подрывающие авторитет бюро“.

Редактора сняли в пожарном порядке. А по снятии обнаружили, что „подрывающую“ заметку писал сам редактор.

Гнев администраторов не поддается описанию. Он бушует, как Лок-батанский фонтан.

Зловредного бывшего редактора в его отсутствие выводят из состава бюро и снимают с занимаемой должности. Но и этого мало. Когда начальник пожарной охраны Москвы, знающий Чеботова как прекрасного работника, назначает его начальником пожарной охраны одного из московских районов, оба администратора категорически протестуют.

Чеботов вреден. Чеботов недопустим. Чеботов совершил „нетактичный поступок“. Месту Чеботову до седьмого поколения: и жене его, и воле его, и ослу его. Комиссии по чистке управления следует поближе ознакомиться с историей „нетактичных поступков“ в управлении и установить их настоящих авторов.

ПРЕСТУПЛЕНИЕ КОМСОМОЛКИ

О, прекрасная юность, полная огня и энтузиазма!

Чье самое зачерствелое сердце не дрогнет при виде молодой, полной энергии девушки, горящей желанием отдать все свои силы и знания на пользу колхозному делу.

Поэтому не удивляйтесь, что приезд в колхоз имени Азизбекова (Ганджа) комсомолки Оганесовой вызвал особенный эффект. Рядовые колхозники и колхозницы жали руку Оганесовой, комсомольская ячейка приветствовала ее делегацией, правление колхоза собрало специальное собрание по этому поводу.

На почетном месте сидела сама виновница торжества.

— Товарищи, — сказал председатель правления Габриелов, — сегодня у нас торжественный день. Приятный день в колхозе имени Азизбекова. Почему же в колхозе имени Азизбекова приятный день? Потому что девушка нашего колхоза, Оганесова, которая является нашей колхозницей с основания колхоза, вернулась к нам уже не простой рядовой колхозницей, а агрономом.

И все колхозники колхоза имени Азизбекова в восторге начали аплодировать.

Сама же комсомолка Оганесова покраснела, как ганджийская роза, и даже слегка прослезилась, ибо чувство гордости отнюдь не чуждо юным комсомольцам.

Но здесь в это торжественное событие вступил некоторый непредвиденный фактор. Фамилия у фактора оказалась Мирктычан, а род занятий — секретарь партячейки.

Сурово оглядев раздумывавшуюся комсомолку, Мирктычан вытянул указательный палец и, указывая на нее, сказал:

— Нет. Она не может быть больше членом нашего колхоза.

— Почему? — раздался гул общего собрания.

— Потому что она не оправдала возложенных на нее надежд. Потому что она предала наш колхоз. Она нанесла ему тяжелое оскорбление.

— Почему? — снова ахнуло собрание.

— Комсомолка Оганесова, — так же сурово продолжал секретарь партячейки Мирктычан, — совершила два недозволённых проступка: во-первых, она вышла замуж, во-вторых, и это самое тяжелое, она вышла замуж не за нашего колхозника, а за чужого, городского комсомольца.

Потрясенное грозными разоблачениями собрания зловец притихло.

Член бюро комсомольской ячейки колхоза также встал и, грозя пальцем провинившейся, дополнил речь секретаря:

— Правильно. Оганесова совершила несмыслимое преступление. Она — преступница. Она должна была поставить в известность бюро комсомола о том, что она выходит замуж. И потом разве наши колхозные комсомольцы хуже городских?

По собранию прошел гневный ропот:

— Позор! Позор комсомолке Оганесовой!

Комсомолка Оганесова побледнела и расплакалась.

Она говорила, что колхоз для нее — все, что она никуда не хочет уходить из родного колхоза, что годы учения скрашивались для нее мыслью отдать знания колхозу, что, наконец, любовь — не картошка и она не виновна...

Но слезы комсомолки остались без последствий.

Секретарь партячейки разоблачил мелкобуржуазную природу этих слез и потребовал немедленного исключения Оганесовой. Бюро ячейки комсомола присоединилось. Председатель поставил на голосование. Исключили Оганесову единогласно.

Через несколько дней, по протесту комсомолки, состоялось новое собрание, которое, детально разобрав все то же преступление комсомолки, решило, что проступок снисхождения не заслуживает, и никакие другие меры применить к зловредной Оганесовой невозможно.

Оганесова поехала с жалобой в Ганджинское райзо.

Рассмотрев вопрос о колхозных браках, несколько выходящий из компетенции райзо, последнее все же установило, что состава преступления в действиях комсомолки Оганесовой не усматривается, о чем и написало колхозу.

Но правление колхоза, секретарь и бюро ячейки остаются непреклонными.

Они против того, чтобы „свои“ комсомолки выходили замуж за „чужих“ парней.

Они за твердый незыблемый „родовой“ колхозный быт.

ЭЛАСТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ

Перед директором московской пуговичной фабрики им. Балакирева стояла проблема: везти ли сырье в цех или везти мебель на дачу управляющего трестом „Моспластмасс“.

После долгого и мучительного раздумья, в срочном порядке, отвезли на дачу уважаемую кушетку уважаемого управляющего.

Управляющий отдыхал на кушетке, а рабочие цеха отдыхали на кроватях, ибо цех не работал целый день.

Особенно ценятся пластические массы, отличающиеся эластичностью. Повидимому, директор пуговичной фабрики сделал именно из такой высокоценной массы. Очень уж ловко сгибается он в дугу перед управляющим трестом.

СТАРЫЙ РЕЦЕПТ

Ценные заграничные машины на фабрике „Ливерс“ (Москва) отказываются работать, так как они требуют исключительного ухода, температуры, сухости воздуха и т. д. Второй месяц идут на фабрике разговоры, избираются комиссии, назначаются эксперты, тащат в цехи психометры, гигрометры, цельсии и реомюры.

Контора пишет, но машины не работают. Между тем, рабочие фабрики указывают, что можно, пожалуй, обойтись и без создания вокруг машины целого испытательного института, если отодвинуть их от дверей, куда льет вода.

Нам кажется, что это напоминает старый анекдот о человеке, семь лет лечившемся у профессоров от пота ног. На восьмой год человека спросили: „А что, гражданин, вы пробовали мыть ноги?“ И человек ответил: „Нет, знаете, этого я никогда не делал“.

Не попробовать ли сначала на фабрике „Ливерс“ починить двери?

ЗАСЛУЖЕННЫЙ ОЧКОВТИРАТЕЛЬ

Три четверти цехов Коломенского завода красуются на черной доске.

Зато три четверти инженеров не вылезают с зеленых досок письменных столов конторы в цех.

Директор завода издал постановление снять инженеров из конторы и послать их в цехи для ликвидации прорыва.

И вот зав. паровозным цехом Колобов первым отозвался на приказ. Он издал постановление: „Для работы в сборочном паровозном цехе выделяются товарищи Белянкин, Сафонов, Коляскин, Кошеленков, Беликов и Родионов“.

Все прекрасно. Единственная беда — это то, что из шести выделенных товарищей пять только что уехали в отпуск и могут столько же помочь цеху, сколько примерно римский папа.

Ликвидировать прорыв в цехе с помощью несуществующих инженеров также легко, как попытаться самому Колобову поковырять себе в зубах паровозной трубой.

АЛЕША-ША!

Издаваемый „Гудком“ „Рабкор-транспортник“ выругал уфимскую газету „Железник“ за красоты стили. По этому поводу „Рабкор-транспортник“ поучительно замечает:

„Ильич любил повторять слова Базарова: „Друг АЛЕША, не говори красиво“. Рекомендуем редакторам „Железника“ и „Магистрала“ повесить эту цитату вместо лозунга над столами“.

Мы со своей стороны ЭТУ цитату вешать не рекомендуем. Конечно сотрудники „Рабкора-транспортника“ могут и не знать имени базаровского друга, но им незачем перевернуть цитаты да еще со ссылкой на Ильича. Поэтому мы не скажем им „друг Аркадий, не говори красиво“, а просто: „Алеша-шал!“

СТОЛ НАПЛИВОМ (Первые отклики на рейд „Крокодила“).

Нам сообщают:
Зам. директора кинофабрики Межрабпомфильм т. Славкин (в рейде „Крокодила“ он был ошибочно назван директором) приобрел последнее достижение мебельной техники—стол, который одновременно служит буфетом и кроватью.

— Это очень хорошо.

— Да, но это сооружение находится не в спальне и не в столовой квартиры Славкина, а в его кабинете на фабрике.

— Это очень странно! Должно быть, т. Славкин чувствует себя на фабрике, как дома.

— За стол уплачено 2.000 рублей.

— Это не так дорого!

— Да, но за стол уплачено из кассы фабрики.

— Н-да, это того... не ясно...

За таким столом можно просить любые доходы. В такую кровать уложится, как в гроб, любая смета. Большею частью в картинах производства Межрабпомфильм концы благополучные. Но отнеситесь ли вы к картине бесхозяйственной траты денег?

ГЕНЕРАЛ ПЕРЦЕВ И ЕГО АД'ЮТАНТ МАРГУЛИС

В последних числах апреля сего 1933 года в Киеве случилось немаловажное событие.

Радостно трепетало в небесах вешнее украинское солнце. Со степи прибежал расторопный ветер и начал подметать улицы и площади. Больше всех волновался Днепр, — старик суеливо метался с одного берега на другой. Тополя киевских высот подобострастно склоняли свои зеленые головы. И только Богдан Хмельницкий без всяческой суеи спокойно взирал с пьедестала, как будто ничего не случилось.

Что же в самом деле произошло? В Киев приехал генерал Перцев в сопровождении своего ад'ютанта Маргулиса!

Собственно говоря, официально Перцев употреблял новейшую терминологию: он именовал себя членом Реввоенсовета. Но в кругу близких друзей и приятелей, собравшихся у него в гостинице, Перцев, разливая вино в бокалы, пространно объяснил, что по-старому его чин равен генеральскому. Ад'ютант Маргулис тотчас же засвидетельствовал этот факт, заказав новую дюжину бутылок.

Это было накануне 1 мая. Новоявленный член Реввоенсовета решил присутствовать на параде. Надо немедленно сменить штатский костюм на военный. С вечера одной из киевских портновских мастерских дается срочный заказ: к утру приготовить военную форму!

Отд?в последние распоряжения ад'ютанту, начальство отбыло ко сну.

Воспользуемся этим случаем и вкратце ознакомим читателя с генералом и его ад'ютантом. Для этого нам придется вернуться из Киева на несколько минут в Москву.

Среди многочисленных переулков Москвы имеется Юшков переулок. Там помещается трест Мосэнергомонтаж.

Несколько месяцев назад туда был назначен новый управляющий Перцев. Прошлое Перцева было покрыто туманом. Но знали в тресте, что их новый управляющий привлекался за что-то к партийной ответственности, получил строгий выговор и совсем недавно исключался из партии, но восстановлен.

Перцев начал управлять трестом и сразу проявил себя.

В Москве, и особенно на периферии во время командировок, он устраивал шумные и веселые попойки, дебоши, скандалы.

В бухгалтерии шептались о каких-то подложных счетах и документах. При этом отмечалось, что Перцев страдает особым видом расеянности: кассу треста он то и дело принимает за свой собственный карман.

Трест Мосэнергомонтаж шефствует над одной из киевских воинских частей. Новый управляющий накануне первомайского праздника внезапно ощутил в своей груди большую любовь к подшефу.

Перцев едет в Киев. И берет с собой Маргулиса.

Маргулис — ловкий, услужливый беспартийный молодой человек. Он работает агентом по снабжению и как таковой неоднократно снабжал Перцева своей комнатой, когда тот в особо важных случаях нуждался в укромной жилплощади.

Маргулис удобен в командировке тем, что в любое время дня и ночи может доставить вам в номер гостиницы вино, водку и всякого рода закуски.

Прибыв в Киев, Перцев забыл о подшефной части, сразу окружил себя какими-то темными подозрительными личностями и большой стаей артистов и артисток несуществующих театров.

Начался пир горой. И когда пир был в полу-пире, Перцев объявил себя членом Реввоенсовета, а Маргулиса ад'ютантом. Тут же при всех была произведена репетиция.

— Ад'ютант!—обратился он к Маргулису. — Узнайте, подана ли машина.

Маргулис вышел за дверь, постоял минуты две, затем вернулся, встал во фронт, приложил ручку к козырьку и молодцевато отрапортовал:

— Есть, товарищ начальник! Машина подана.

Не думайте, что автор этих строк ради красного словца что-то „приукрашивает“. На заседании в МКК, где разбирались похождения бравого „генерала“, обо всем этом подробно говорилось. И сам Маргулис, привлеченный в качестве свидетеля, нарисовал весьма красочную картину. Да и сам Перцев не отрицал. Он только обвинял во всем головную боль: у него после выпивки всегда голова болит...

На том же заседании выяснилось, что Перцев — не начинающий Хлестаков. У него, например, глаза несколько косят. Решив обыграть эту свою физическую особенность, Перцев выдавал себя в Челябинске за бывшего генерального секретаря китайской компартии. Дескать, не Перцев, а Пер Чэн...

Но вернемся опять к киевским событиям. На первомайский парад Перцев в военной форме пробрался к трибунам в сопровождении своей теплой и пьяной компании.

Проходили воинские части. Указывая на них, Перцев говорил своим собутыльникам:

— Вот идут мои молодцы! Вот моя пехота. А вот мои танки.

О киевских делах Перцева стало известно в тресте. Тем более, что там в это время находился предместкома и член бюро ячейки Мосэнергомонтажа Дук.

Но бюро ячейки молчало. Вынуждено было молчать, и потому молчало. Никто из этих „партийцев“ не смел открыть рта, потому что каждый из них был запячкан.

И через двадцать пять дней после киевской истории секретарь ячейки Горбачев выступил на заседании бюро с „критикой“ Перцева. Но выступил так, чтобы особенно не обидеть своего уважаемого начальника. Вот, что сказал Горбачев:

— За последнее время стали замечаться некоторые (?!) пробелы (?!) в руководстве Перцева трестом...

Горбачев не смел иначе говорить, потому что вместе с Перцевым пьянствовал, развратничал и получал „премии“.

Дук не мог возвысить голос потому, что получил от Перцева „премии“.

Трескунов был нем по той же причине.

Перцев этим пользовался и то и дело запускнул руку в трестовскую кассу, составляя потом подложные документы о поездках, командировках и т. д.

Перед нами — небольшая записочка, ярко характеризующая те нравы, которые в последние месяцы процветали в тресте. Записочка написана рукой Перцева. Адресована Трескунову, заместителю:

„Трескунову. Лично.

Прошу остеклить окна у меня на квартире. Взять патефон и отдать отремонтировать в нашей мастерской.

Купить два билета на 24 мая в Большой театр, на юбилей Собинова, партер.

И вообще спросить жену, что ей нужно... Все это считалось в порядке вещей. Начальник приказал. И не только начальник, даже ихняя супруга может приказывать и распоряжаться. Когда она занемогла, то стоило ей позвонить в трест завхозу, и тот немедленно купил для нее на 89 рублей апельсинов. Деньги, конечно, из кассы...

...Перцев, Горбачев и Дук исключены из партии. Перцев, кроме того, отдан под суд.

Трескунов и несколько других работников треста получили строгие партийные взыскания. Но этим дело не ограничивается.

Партия в эти дни чистит и проверяет свои ряды. На московских предприятиях по чистке мы можем наглядно видеть, как качественно окрепла московская партийная организация. Выросли новые люди. Мы видим прекрасных ударников, стойких большевиков.

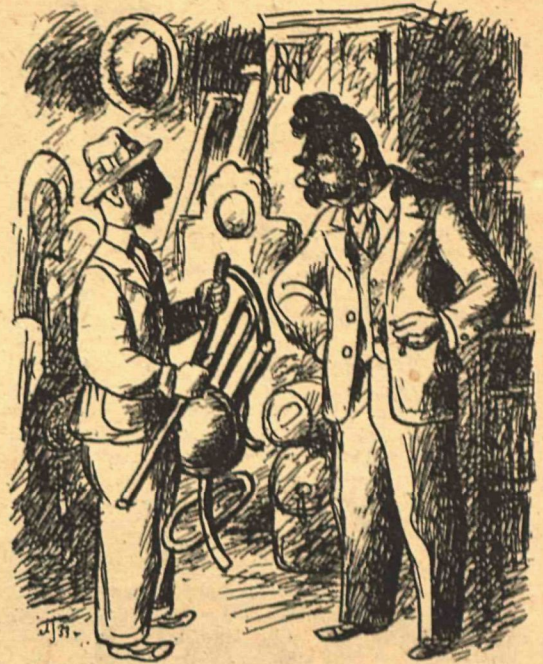
И в то же время где-то в уголке, в переулке собралась гнусь, которая имела одну цель — „брать и другим давать“.

Одни активно „работали“, другие смотрели на них и „не хотели вмешиваться“.

На очереди — проверка ячейки Мосэнергомонтажа. Наше предложение: пропустить ее к чистке без очереди. Она этого вполне заслужила.

Г. РЫКЛИН

Рис. Л. Генца

— Я у вас утром стул купил, а он уж развалился.
— Действительно, отчего бы это? Может быть, случайно белы на него?

УМ ЗА РАЗУМ

(Литературная пародия)

„Меркнут знаки Зодиака
Над просторами полей,
Спит животное Собака...
Дремлет птица Воробей.
Колотушка тук-тук-тук,
спит животное Паук,
спит Корова, Муха спит,
над землей луна висит.
Высоко земли обитель...
Поздно, поздно. Спать пора.
Разум, бедный мой вонитель,
ты заснул бы до утра.“

(Из стих. Н. Заболоцкого, Журнал „Звезда“, № 2-3, 1933 г.)

Ночь.
Спешит к покою всяка
Проживающая тварь.
Меркнет знаков Зодиака
Полноценный инвентарь.
Рак налег на Водолея
И храпит себе во-всю,
Козерог, вприсонках бляя,
Жметя к Зверю-Карасю!
Спит земля и силы копит,
Чтобы были у нее...
Спит различное млекопит —
Ающееся зверь!

Шум и гомон никнет, тихнет.
Ночь торжественно плывет.
Лошадь спит, Корова дыхнет,
Дремлет птица Антрекот.
Колотушка тук-тук-тук,
Много в мире разных штук.
Я устал.
Желаю спать.
Раз-два-три-четыре-пять.
Я смотрю бессонным глазом
И пытаю мысль свою:
„Что с тобой, мой бедный Разум?
Я тебя не узнаю!
Ты случайно или сдуру
Перепутал сон и явь?
Смерь себе температуру
Иль клистир себе поставь!“

Но не слушает рассудок,
В мыслях преет ерунда;
Не прочистивши желудок,
Не заснете никогда.
Колотушка тук-тук-тук,
Много разных штук-штуки-штуки;
Всюду сонь и глушь и тишь.
Разум, что же ты не спишь?
Спит земля и силы копит,
Чтобы были у нее...
Спит различное млекопит —
Ающееся зверь.
Спят Гиены в диком поле,
Спят Шакалы у воды;
Спит Звезда,
и даже боле:

Спит Редакция

„Звезды“!

АРГО

ПИЛОТЫ ПРИЕХАЛИ

(Отрывок из романа „Юноша“)

Вечером по направлению к клубу по грязной улице рудника шла шумная, беспорядочная толпа.

— Что случилось? — спросил Миша у оставшего от толпы старика, похожего на Бернарда Шоу.

Попыхивая трубкой, старик пояснил:

— Летчики приехали. Наши же ребята... Были шахтеры, а теперь вон куда забрались, — и он показал на лиловые тучи. — Понял, сынок, — добавил он добродушно-весело, ткнул пальцем в мишин живот и пыркнул губами.

Оказалось, два местных шахтера по окончании школы пилотов приехали погостить на рудник. В темносиних френчах они шли в клуб, сопровождаемые детьми и взрослыми.

У входа в клуб пожилой черноусый горняк, в войлочной шляпе, сказал, что встреча пилотов ему напоминает встречу трактора в деревне. Он видел: показывали в кино.

— Тоже вот так — от мала до велика вывалили на улицу.

— То трактор, — заметил в раздумьи его товарищ, гася махорочную цыгарку меж пальцев, — а это еще умней. Человек летает.

— И какой человек! — вмешался в разговор подошедший двойник Бернарда Шоу. — Наш человек! Рабочий человек! Васька коногон. Его батька весь век, как крот, землю рыл да и Ваське досталось... А теперь, — и старик свистнул, — дух играет!

26407

— И пол-литровка, — прибавил один из слушателей.

— Это есть, — признался добродушно старик, растопырив ручки.

В клубе только что закончилось женское собрание, но по случаю появления пилотов никто не уходил. Одного из пилотов окружили земляки и расспрашивали: страшно ли летать, сколько стоит машина, приходилось ли делать мертвые петли... Им все было интересно. И даже непонятную авиационную терминологию они выслушивали с большим вниманием. Когда этот пилот говорил: „На прямой я разочаровался, но получил полное удовлетворение на штопоре“, — ему сочувственно кивали головой. С большим уважением смотрели на голубые петлицы, на серебряную птицу на рукаве, на черный галстук и белоснежную рубашку. Другой пилот беседовал с музыкантами отнюдь не на авиационные темы. Он главным образом расспрашивал про знакомых девочек. Среди музыкантов у него было много приятелей: он сам до школы играл на корнет-а-пистоне. Оркестр, за исключением капельмейстера, состоял из любителей — рабочих и служащих. Пилота, которого все называли „Васька“, стали уговаривать выступить с речью. Он всячески отказывался. Его это просто пугало.

— Не стану... и не просите... И не знаю, о чем говорить.

— Да ты покажись только, уговаривали его. — Всем же любопытно посмотреть... Скажи что-нибудь... Коротенько. Два слова. Любопытно же послушать...

Он забрался на сцену и очень смутился, хотя в зале сидели все знакомые. У него вспотела красная шея. Он набрался духу и решительно произнес:

— От имени воздушных боевых сил республики... — и еще больше смутился, подумав, что он как младший комсостав навряд ли имеет право говорить от имени республики.

— Чего остановился, — кричали, заметив его замешательство. — Валий!

— Приветствую горняков республики! Вот и все, — закончил он и ловко спрыгнул со сцены.

Ему долго, гулко аплодировали. И он сам, улыбаясь, вместе с другими хлопал. В оркестре сидел его товарищ. Рассегнув френч, он перебирал короткими пальцами клапаны корнета и неистово дул, двигая черными бровями. На него восторженно смотрели дети.

Б. ЛЕВИН

О ПРОЦЕССЕ МОРГАНА

Держался он весьма отважно, как между морем толстый слон. И оказалось: все проданы и не подкупен только он.

Конечно, не в честьности Моргана, — И пусть его — на по харману!

Р. РОМАН

НА РАЗНЫХ ЯЗЫКАХ

81- АВГ 1933
Г. Ц. К. П.

Вис. А. Тепикова (тема М. Глушкова)

— Пошлите меня в деревню, товарищи! На лоне природы я прямо перерождаюсь.
— Вот как раз по поводу перерождения мы вас и вызываем!